

Если смотреть на пассажиров, едущих в метро, на них застывшие лица и глаза, как будто обращённые внутрь, начинает казаться, что время не идёт, а вновь и вновь повторяется одна и та же секунда. Как будто оно дало сбой и вместо нового мгновения опять наступает старое. Вид за окнами вагонов подтверждает это ощущение — там ровный одинаковый мрак.

Арсеньев знал, что это ошибочные представления. Кто как не он, ведущий специалист в физике времени, хорошо разбирался в его структуре! Если бы время было дискретным, то есть состоящим из неделимых моментов, то его вообще бы не было. Потому что каждое мгновение неотличимо от другого, каждая секунда идентична самой себе. Как можно сказать, что наступил новый момент, если он физически одинаков с предыдущим? Значит, нет никакого времени, просто длится бесконечное теперь, без прошлого и будущего...

Это, конечно, чепуха, Арсеньев доказал теорему о непрерывности времени. Время делимо до бесконечности, каждый миг, каким бы ничтожным он ни был, можно поделить ещё раз. Ясно, что время не состоит из мгновений, как из бусинок, нанизанных на нитку. Скорее, время — это сама нитка, которую нигде нельзя порвать. Нельзя её и измерить, потому что в каждой точке она содержит бесконечность. Такова плата за непрерывность.

Арсеньев вновь посмотрел на пассажиров. Первоначальное впечатление, что время зациклилось на одном и том же мгновении, было, разумеется, неправильным. Правильно так: они неподвижны и неизменны, потому что им приходится проживать мириады мгновений в одно мгновение. Чтоб прошла одна секунда, должны пройти сначала все её части. Но поскольку количество частей бесконечно, секунда никогда не пройдёт. Она даже не начнёт проходить.

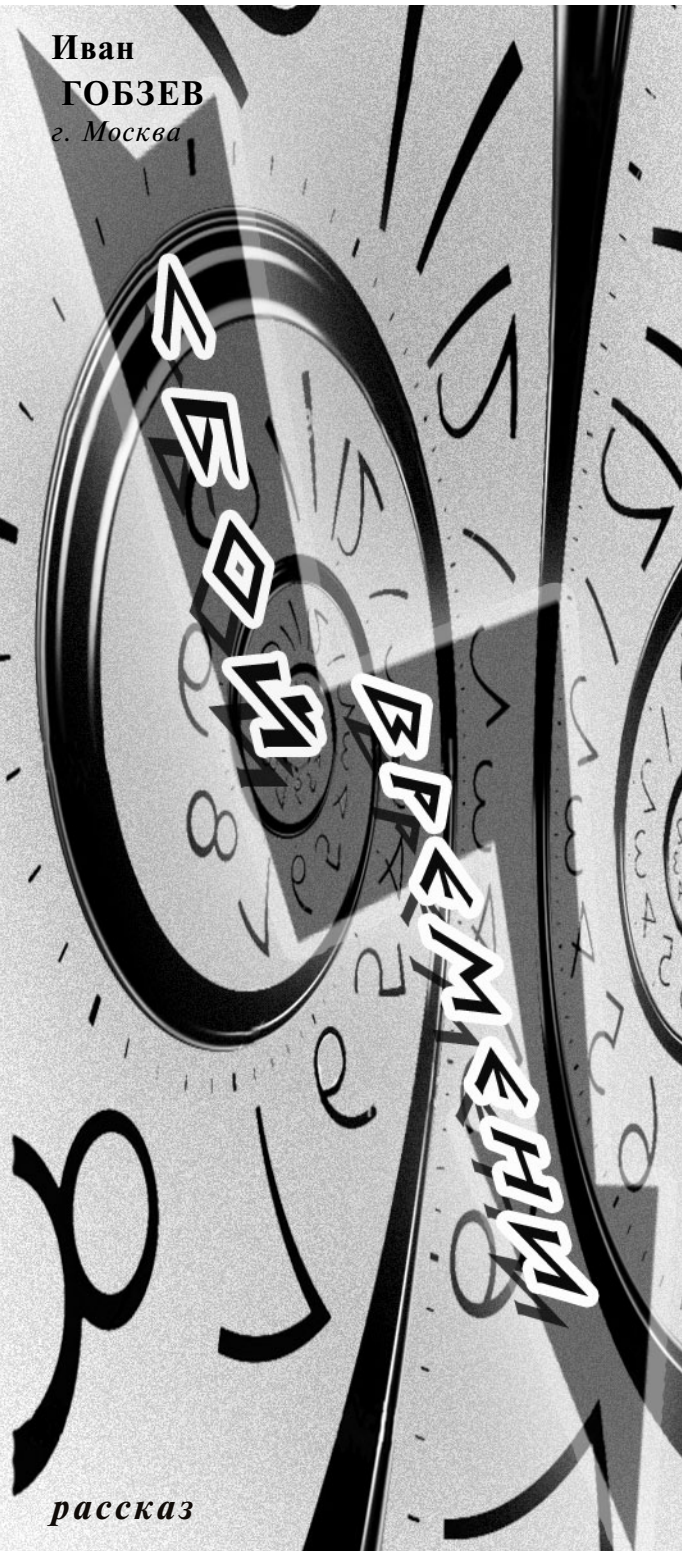
И вот эти люди застыли в безнадежности — они обречены вечно ехать до станции «Лубянка». Любое расстояние включает в себе бесконечность, его никогда не пройти. Но они этого не могут знать, им кажется, что они едут несколько минут из точки А в точку Б, а на самом деле едут вечно.

Женщина рядом с Арсеньевым читает книгу. «Джон страстно обнял её за талию и поцеловал так, как никто прежде не целовал её — ни до сотворения мира, ни после...» Она никогда не дочитает страницу. Она её будет читать всегда. Потому что для того, чтобы в слове, например, «Джон» перейти от «д» к «ж», нужно совершить бесконечное количество действий.

«С одной стороны, всё это хорошо, — подумал Ар-

**Иван
ГОБЗЕВ**
г. Москва

рассказ

сеньев. — Ведь непрерывность времени означает, что человек бессмертен. Каждый миг длится вечно, и смерть не наступит никогда. То есть здесь и сейчас в этот вот момент я бессмертен, так как существую в вечности — неподвижной, неизменной, застывшей».

Но, с другой стороны, в реальности наблюдается что-то совсем другое. Соседка перевернёт страницу, этот поезд приедет на «Лубянку», люди проживут свои жизни и умрут. Это странно. Наблюдаемая реальность противоречит его теореме. Но теорема доказана, она верна, это математическая истина.

Что нарушает неподвижность непрерывной вечности? Какой механизм? Что бросает вызов самому времени?

Соседка всё ещё читает ту же самую страницу про страстного Джона. Заснула? Арсеньев чуть наклонился и заглянул ей в глаза. Нет, они открыты, стеклянный взгляд обращён в книгу. Наверное, задумалась о чём-то. О жизни, о любви, о том, что никогда у неё не было такого вот Джона.

Да, жизнь — это боль, обманутые надежды, приговорённость. Но только не с точки зрения физики! Все эти сожаления о прошлом бессмысленны в мире, где нет прошлого, а есть только бесконечное, бескрайнее, глубокое, как тьма за окнами, «теперь». Его не измеришь, не потому, что оно велико, а потому, что оно вообще не имеет размеров. Никаких, ни маленьких, ни больших. По большому счёту, непрерывность времени означает, что нет никакого времени. Вот это верно. А человек ухитряется в безвремяе жить так, как будто время есть. Как он это делает? И главное — зачем?

— Эволюция! — громко сказал он, но никто не обратил на него внимания.

Да, вдруг ясно осознал он, это эволюция настроила наше сознание так, что оно делит сиюминутную вечность на прошлое, настоящее и будущее. Другой вопрос: для чего.

Пассажиры, кто сидя, а кто стоя, всё так же мертвы, они смотрят в себя. За окнами чернота. Что-то долго едем, — забеспокоился Арсеньев. Он снова глянул в книгу соседки. Та же страница, тот же Джон. Неприятное волнение отозвалось холодком внутри.

«Боже, что за глупости», — подумал он и попытался улыбнуться. Но не смог.

Ещё раз взглянув на девушку, он понял, что она не моргает. Приглядевшись к другим пассажирам, он убедился, что и с ними то же самое. Он судорожно сглотнул, сердце заколотилось так, что стало больно в груди.

Арсеньев зажмурился. «Успокойся, — сказал он сам себе. — Дыши глубоко и считай до десяти. Это невозможно. Ты сейчас доедешь. Просто иногда кажется, что время идёт медленнее, чем на самом деле».

«Но не настолько же!» — испуганно ответил он сам себе. Он ехал уже минут десять и давно должен был приехать!

Арсеньев открыл глаза. В вагоне ничего не изменилось. Это всё-таки произошло. В горле пересохло, он мигом вспотел. Надо успокоиться, надо успокоиться.

Он снова закрыл глаза и постарался дышать глубоко и ровно. «Я же умный, — подумал он, — неужели не решу эту задачу!» Люди в вагоне явно не знали, что время остановилось — они сами замерли вместе с ним. Значит, только для него оно застыло. Что из этого следует? Что он сам виноват. Он что-то сделал!

Эти мысли вызвали у него воспоминание из школьных лет. В старших классах у него была подруга, Маша Петрова. Они сидели за одной партой долгое время, вместе ездили на занятия в спортивную школу, вместе возвращались домой. Она ему очень нравилась, но он никогда не смел ей в этом признаться. Петрова делилась с ним всеми своими секретами и вообще, похоже, считала его своей лучшей подругой. Она запросто могла рассказывать ему о том, как ей нравится одноклассник Стаханов, как она грезит о том, чтобы он взял её за руку и нежно обнял. Говорила она об этом мечтательно, смеясь и строя капризную гримасу, и подпрыгивала от нетерпения. Он же, глядя на неё, кивал с вымученной улыбкой, желая наброситься на неё прямо в метро, прямо при всех и задушить поцелуями. «Как? — мысленно кричал он. — Как тебе может нравиться Стаханов?» Он же урод! Господи, сколько уроков чудесной физики прошли мимо него, потому что он от звонка до звонка до боли в глазах косился на колени Петровой! А Стаханов — нет, он не косился... Он за эти колени сразу хватался.

Так вот, глядя по вечерам в метро на смеющую-

юся и закатывающую глаза Петрову, когда они возвращались после тренировки домой, он мечтал о том, чтобы время вдруг остановилось. О, как страстно он этого желал! Чтобы замерло в полнейшей и тишайшей неподвижности всё — кроме него. Тогда бы он перестал робеть с Петровой и разобрался бы с ней по-своему. Нет, ничего плохого, но он покрыл бы её розовые щёки и шею, покусанную колючим шарфом, нежнейшими поцелуями. И вот, пожалуйста, теперь рядом сидит прекрасная девушка, а он вместо этого думает о вечности!

Нет, понял он вдруг, я не мог ничего сделать. Не в моих силах остановить время. Это невозможно, потому что времени нет. Значит, я его воспринимаю сейчас таким, каким оно является в действительности. Таким образом, правильно будет сказать, что я чего-то не сделал. Моё сознание дало сбой, оно не применило какую-то операцию, отвечающую за восприятие течения времени.

«Что это может быть? — стал гадать Арсеньев. — Что я забыл сделать такое, что всегда делаю?»

Это будет сложно понять! Ведь эту операцию, обеспечивающую ощущение хода времени, мы производим постоянно, тысячи раз в день, чисто автоматически. А то, что делаешь автоматически, превращается в привычку. До такой степени, что перестаёшь думать — как ты это делаешь. И в итоге — забываешь как. Тело помнит, а разум нет.

Как-то он забыл свой пароль, который каждый день вбивал в компьютер в лаборатории.

Он делал это регулярно, в течение многих лет, один и тот же пароль, потому что ленился его поменять. Но однажды, придя на работу и усевшись перед монитором, он вдруг подумал: а какой у меня пароль? Он подумал об этом впервые за долгие годы, привыкнув вбивать его неосознанно. И не смог вспомнить. И сколько ни пробовал его набрать, ничего не выходило — он напрочь его забыл. Пришлось в итоге взламывать и ставить новый.

Так, может, и сейчас произошло нечто подобное? Люди до такой степени привыкли работать со временем, запускать его ход, что забыли, как это делается? И он, попытавшись вспомнить, забыл окончательно...

«Это какой-то элементарный трюк, что-то проще простого, — понял Арсеньев. — Это не может быть сложно, потому что даже детям он удаётся. Миллиарды людей умеют заставлять время идти...»

Но неужели никто никогда не оказывался в такой ситуации, как он сейчас? Он не встречал ничего такого в литературе... Хотя кто бы признался, — сразу утешил он себя, — кто бы всерьёз стал утверждать, что застрял во времени? Его бы приняли за сумасшедшего! Так что, может быть, он и не один такой в мире! Может быть, ещё кто-нибудь, где-нибудь далеко, прямо сейчас переживает то же самое? И значит, он не один. Потому что это очень страшно — быть одному в целом мире.

□

Иван Александрович ГОБЗЕВ

родился в 1978 году.

Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова,

кандидат философских наук.

Автор трёх книг прозы: «Зона Правды»,

«Те, кого любят боги, умирают молодыми», «Цветы во льдах».

Печатался в ряде литературных журналов и газет

(«Нева», «Новая Юность», «Дети Ра» и др.).

Лауреат литературной премии «Честь имею».

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

